

Детские и взрослые

сказки семьи Бианки

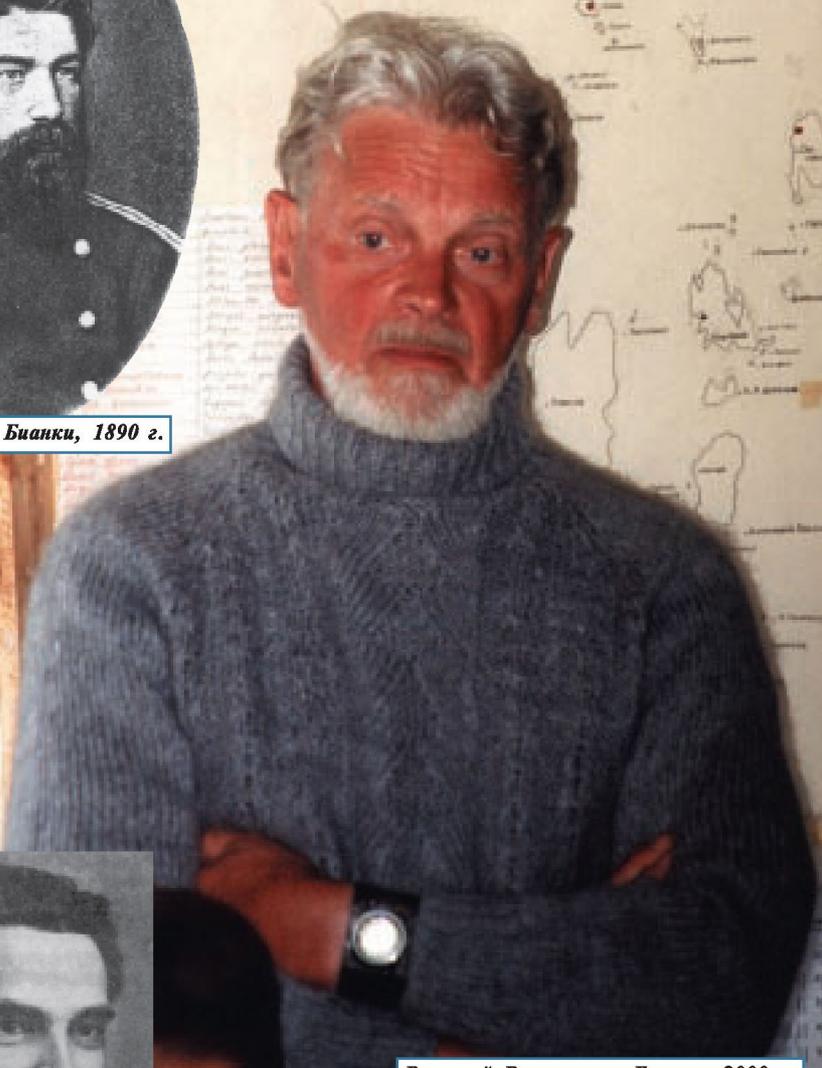
Александра Горяшко

Валентин Львович Бианки, 1890 г.

Виталий Валентинович Бианки, 1927 г.

Виталий Витальевич Бианки, 2000 г.

Дед

Валентин Львович Бианки (1857–1920) был профессиональным зоологом, хотя специального биологического образования у него не было. С раннего детства мальчик интересовался естествознанием и все каникулы посвящал сбору зоологических и ботанических

Бианки — фамилия сказочная. Будто и не фамилия вовсе, а имя волшебного героя — Карлсон, Хоббит. Отчасти такое впечатление создается потому, что для русского уха она звучит непривычно, но главное, конечно, — множество сказок и рассказов Виталия Валентиновича Бианки. А поскольку знакомимся мы с ними в детстве, когда слово еще чудо, то вся необыкновенно увлекательная жизнь лесов, рек, морей, зверей, птиц и насекомых, которую открывает нам автор, становится одним огромным миром. Имя ему — Бианки. И, как часто бывает, наивное детское понимание оказывается самым верным. Бианки — действительно огромный мир.

Виталию Валентиновичу нравилось случайное созвучие итальянской фамилии с русской формой множественного числа. «Бианки никогда не бывают в единственном числе», — говорил он. И это всегда было верно для большой семьи, окруженной к тому же множеством друзей и коллег. Читателям известен между тем только один Бианки — детский писатель-анималист. Нисколько не ставя под сомнение его заслуги, мне все-таки хочется восстановить справедливость, рассказав и о других Бианки. Потому что чудесный писатель возник не из пустоты и не в пустоту ушел. Бианки — это семья, более того — династия, что встречается теперь достаточно редко. Династия, в которой из поколения в поколение передаются не просто занятия биологией как ремесло, не просто романтическая любовь к природе, но прямо-таки физическая невозможность жить в отрыве от нее.

У главных героев этого рассказа совпадают не только фамилии и область интересов, но отчасти даже инициалы. Поэтому я буду называть их: Дед, Отец, Внук. Надеюсь, что мне простят такую фамильярность (Деда и Отца давно нет в живых, а Внуку уже 75 лет), поскольку это единственный способ не запутать читателя.

коллекций, но поступил в Военно-медицинскую академию и окончил ее в 1883 году, получив звание лекаря. Два года Валентин Львович состоял ординатором при клинике внутренних болезней и дежурным врачом Мариинского родовспомогательного дома. В 1885 году он занял должность земского врача в Старицком уезде Тверской

губернии. Было ему в это время 28 лет — зрелый, сложившийся человек с хорошей специальностью. Но, как и в гимназические годы, больше всего влекла его зоология. Первая научная публикация В.Л.Бианки («Гнезда и яйца *Acrocephalus dumetorum* Blyth.») вышла 1884 году, то есть еще во время активной врачебной практики. Однако при первой же возможности Валентин Львович перешел на должность ассистента при кафедре зоологии и сравнительной анатомии Военно-медицинской академии, хотя это было еще очень далеко от любимой орнитологии, возможности самостоятельных научных исследований.

Такая возможность представилась ему через два года, когда в 1887 году Дед поступил на должность ученого хранителя энтомологического отделения Зоологического музея Академии наук. Правда, низкое жалование не позволяло окончательно оставить педагогическую работу, да и заниматься пришлось не любимыми птицами, а насекомыми. Но все, за что брался Дед, он делал хорошо. Работы Бианки этого периода (а он опубликовал несколько обзорных статей, обработал коллекции полужесткокрылых, хранящиеся в Зоологическом институте в Санкт-Петербурге) стали серьезным вкладом в энтомологию и, по словам специалистов, «дают нам право поставить имя Валентина Львовича рядом с лучшими гемиптерологами того времени».

Орнитологией, которая была его страстью всю жизнь, первый из династии Бианки смог заняться официально лишь в 1895 году, в возрасте 38 лет, когда был избран на должность старшего зоолога физико-математического отделения Академии наук. С этого момента и до самой смерти он занимал пост заведующего орнитологическим отделением Зоологического музея Академии наук.

Дед жил с семьей на Университетской набережной Санкт-Петербурга, в квартирном флигеле Российской академии наук. «Он существует где-то сам по себе, живет отдельной от нас и неведомой нам жизнью. Мы его мало видим», — пишет о том времени Отец. В городе он всегда либо в музее, либо в своем домашнем кабинете, на даче — он всегда в лесу. Но работа и жизнь сплетались воедино, определяя быт и интересы всей семьи. В большой академической квартире — вольеры и клетки с птицами, аквариумы с рыбами, террариумы с черепахами, ящерицами, змеями. Когда на Дальнем Востоке нашли мамонта и привезли в музей для изготовления чучела, Дед принес домой кусочек мамонтины. Его сварили, и все отведали экзотического супа.

Сыновья Валентина Львовича часто

бывали в музее и, видимо, считали его чем-то вроде интересного и таинственного продолжения дома. Один из них даже не хотел верить, что застывшие вокруг звери и птицы — просто чучела. «Они нарочно так заколдовались, потому что люди кругом», — думал он. И мечтал узнать заветное слово, которое всю эту живность расколдует.

А всего было у Валентина Львовича, как в сказке, три сына. Старший — Лева, средний — Анатолий, младший — Виталий. И мы будем, тоже как в сказке, рассказывать о младшем. Именно он мечтал расколдовать зверей, и это ему замечательно удалось.

Отец

Виталий Валентинович Бианки (1894–1959) родился в той самой академической квартире при Зоологическом музее. И, если не считать таинственных отношений с музеем и супа из мамонтины, жил, в общем, как все мальчишки: ходил в гимназию, играл в футбол. Валентин Львович сердился: «Головой работать надо, а не ногами! Тогда не будешь по математике тройки хватать» Но сын все равно хватал тройки. Его интересовало другое — живое. Эта страсть вполне удовлетворялась только летом, в деревне, а позже — во время экспедиций, куда брал его Валентин Львович. Природа на всю жизнь стала для Отца профессией и душой.

Специального образования у Отца тоже не было. Он не успел его получить. По окончании гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета, но началась война. В 1916 году Виталия призвали в армию, и после окончания ускоренного курса Владимирского военного училища в чине прапорщика он был направлен в артиллерийскую бригаду. Недолгий период 1917–1918 годов оказался наполнен событиями. Повороты войны и перемещения армий бросали его от Поволжья до Алтая. Он успел пережить недолгое увлечение эсерством и мобилизацию в колчаковскую армию, но вскоре дезертировал оттуда и был вынужден жить под чужой фамилией на Алтае, в Бийске. По документам он значился Виталием Беляниным, студентом Петроградского университета и орнитологом-коллектором Зоологического музея Российской академии наук. Настоящую свою фамилию скрывал вплоть до изгнания колчаковцев. А двойная фамилия Бианки-Белянин осталась в его паспорте до конца жизни

Из воспоминаний дочери Елены: «Больше всего поразила, прямо потрясла отца природа Алтая. Там он прожил четыре трудных, но счастли-

ПОРТРЕТЫ

вых года. Жил в Бийске, преподавал биологию в школе. Тяжелые были условия жизни в то время — плохо с питанием, с дровами, подстерегали страшные болезни. Но были молодость, энергия, «ощущение огромности окружающего мира и неизведанности его тайн, которые можно открывать всю жизнь».

Эти тайны он открывал вместе со своими учениками, устраивая для них экскурсии за город. С жаром участвовал в создании краеведческого музея (теперь это музей его имени), предпринимая каждое лето длительные экспедиции за экспонатами. Читал лекции по орнитологии на учительских курсах, участвовал в работе местного Общества любителей природы, работал инструктором-музееведом в уездном земстве, изредка публиковал в местной газете «Алтай» небольшие заметки о жизни птиц, подписывая их инициалами: В.Б. или В.Б-н.

Здесь же, на Алтае, встретил Виталий свою будущую жену, «самого близкого человека на всем свете», — Веру Николаевну Клюжеву, преподававшую французский в той же школе. Там начал писать знаменитую «Лесную газету», публикуя ее в виде заметок о природе в местной периодической печати. Мечтал, вернувшись в Петроград, окончить университет и стать биологом, но вместо этого оказался в литературной студии, почувствовал, что искусство ему ближе, чем наука. «Вчера прилетели грачи. Весной прямо безумие какое-то меня охватывает. Не могу я слышать, когда свистят, крикают, гогочут, трубят над головой перелетные птицы. Сам не свой становлюсь. Вот если бы научиться хоть собою эту долю этого чувства передавать в своих книжках!»

Внук

«О чувствах я рассказывать не умею и никогда, наверное, толком не рассказывал, так что вряд ли что-нибудь у меня выйдет», — сказал Внук (1926 г.р.), у которого я рассчитывала узнать больше, чем из письменных рассказов Отца.

У Отца тоже было трое детей. Дочь Елена и два сына — Валентин и Вита-

лий. Виталий был старшим. Из письма Отца: «Старший сын теперь с головой ушел в орнитологические наблюдения и нашел уже с полсотни гнезд. Он уже готовый орнитолог — и со страстью. Третьего дня проводили его в военную морскую спецшколу. Я лишился в нем уже настоящего друга, товарища в орнитологических занятиях и охоте, первого помощника дома».

В его судьбу, как и в судьбу Отца, вмешалась война. Он закончил школу в 1943 году и был сразу же отправлен в училище. Обучение, правда, затянулось, и в военных действиях участвовать не пришлось, но еще несколько лет он был связан с армией и демобилизовался лишь в марте 1950-го. От военной службы остались выправка да любовь к рубашкам цвета хаки (впрочем, очень удобным в работе полевого биолога).

Однако главным делом жизни Виталия Витальевича Бианки стала опять же биология, а в ней — орнитология. Внук: «Птицами я начал заниматься с отрочества, примерно с 8–9 лет, и птицы всю жизнь были для меня основным объектом, с которым я хотел работать и работал. Почему именно они — теперь уже трудно сказать. В семье вообще был культ зоологический и орнитологический, в частности. Однако помню, что во время одной из поездок в начале лета в деревню мы остановились в пути и меня заинтересовало, что отец называет пролетающих птиц. Вот, наверное, с этого и начался сознательный интерес. А в десять лет я уже самостоятельно искал гнезда под наблюдением отца, хотя помощи, в которой я тогда нуждался, он оказать не мог. Отец хорошо знал птиц, но он не был ученым. Его научные знания базировались на впечатлениях юности, проведенной со специалистом-орнитологом, его отцом».

Внук первым из семьи получил специальное образование — закончил биологический факультет Ленинградского университета. Еще во время учебы случайно оказался на практике в Кандалакшском заповеднике — ему было интересно посмотреть новые места. Мог ли он представить, что в этом заповеднике проведет всю дальнейшую жизнь?

Дед,
1914 г.

Отец,
1940 г.

«После окончания университета на меня было две заявки: из Зоологического института Академии наук и из заповедника. Я разрывался, потому что институт с детства был для меня родным, там еще дед мой работал, но в то же время мне очень нравилось в заповеднике. А когда пришел на распределение, комиссия сказала: «На Вас есть заявка из Кандалакшского заповедника». Я спросил: «А другая заявка?» — «Нет, больше никакой нет». Честно говоря, гора с плеч свалилась. Вот так выбор свой и сделал. Не скрою, первые годы думал о Питере, но в Зоологический институт не приглашали, там мест не было, а в другое место не хотелось. А потом, когда начали приглашать, уже не хотел сам. Я очень доволен, что судьба сложилась именно так».

Ему первому удалось то, к чему всю жизнь стремились и Дед, и Отец, — никогда не расставаться с природой.

Дача, охота и познание леса

Они очень похожие и очень разные, эти Бианки. Этому не устаешь поражаться, читая воспоминания Отца о Дede, слушая воспоминания Внука об Отце. Не оставляет ощущение, что судьба семьи ходит по спирали, закрученной вокруг природы.

Каждую весну Дед перевозил все семейство на дачу. Отец вспоминал: «Величайшим праздником для меня всегда был переезд из города в деревню». Таким он был и для всей семьи, невзирая на бытовые сложности. Ехали подводами, вместе со всем зверьем за 60 километров, за Ораниенбаум, в Лебяжье.

«Дача Бианки недалеко от моря — в штормовую погоду в комнатах слышен гул прибоя, и в любую погоду целый день звенят там птичьи голоса. Птицы местные, за исключением нескольких привезенных из города кенаров. Живут в клетках во всех помещениях и в вольере на веранде, огороженной сеткой от пола до потолка. Во дворе дачи много ящиков и клеток. Там ежи, лисенята и прочая лесная живность. Громко просят есть птенцы ястреба. В большой притененной клетке круглые светятся глаза филина. Помню, как он дробно щелкал клювом, когда ему приносили кусок мяса или мышь. Над двором, на вершине сосны, сидит ворона. Сидит и не улетает, хоть палкой на нее махни. Это свой вороненок-выкормыш. Пугая всех дерзкими наскаками и трескотней, вокруг дома летает ручная сорока. Мохнатая аршинная морда тыкается вам в спину. Стойте смиренно! Это не страшно, это свой — лосенок» (из воспоминаний соседа по даче А.Ливеровского).

На даче Дед продолжал сбор материала для музея. Командированный препаратор там же снимал шкурки для будущих чучел. На специально нанятых финских парусниках сборы перевозили по заливу и Неве прямо к музею. Валентин Львович брал с собой в лес и сына Виталия. Все показывал, учил всему, что знал сам. «У меня надолго создалось убеждение, что мой отец — что-то вроде какого-то лесного духа, маленького, но могущественного. Он знает в лесу все тайные тропинки, все скрытые роднички, знает всех лесных птиц и зверей, понимает их язык и распоряжается ими».

В числе прочего Дед учил и охоте. «Когда мне исполнилось 13 лет, отец

*Внук,
1943 г.*

ПОРТРЕТЫ

Еще в Бийске, работая преподавателем биологии в школе, Виталий Валентинович устраивал для учеников экскурсии в лес. Ученики той школы вспоминают: «Свои лекции он читал с воодушевлением, с любовью. Он прививал нам любовь к жизни, к природе. Мы стремились к нему, как пчелы к цветку».

Когда он начал писать — охват вырос в тысячи раз. Его учениками становились все дети. «Я с жадностью читаю и перечитываю книги Бианки. Они для меня самые счастливые» (из письма школьника). Юннаты приезжали к нему в гости на дачу. Студенты-зоологи традиционно раз в год посещали его в городской квартире. Учениками становились и взрослые — начинающие писатели, которые принесли ему свои первые литературные опыты. Некоторые из них, например Николай Сладков, стали впоследствии писателями не менее известными.

Отец учил других всю жизнь той удивительной науке, которую преподавал ему Дед. «В лесу надо только громко не разговаривать, не шуметь, не делать резких движений и научиться неожиданно исчезать у всех с глаз. Тогда вам остается только хорошенько запастись терпением — и вашим глазам предстанет многое из того, о чем рассказано в этой книге, а может быть, и такое, чего не видел ни один человек на свете».

Отец передал Внуку талант заражать своим интересом других. Все Бианки собирали вокруг себя интересных людей, притягивали их, а во многом, видимо, и формировали. Вероятно, наиболее зримо это прослеживается как раз в деятельности Внука в Кандалакшском заповеднике. Остров Ряшков — один из сотен охраняемых островов. Кордон на нем — один из многих кордонов заповедника. Но и остров, и кордон эти — особые, их ни с чем не перепутаешь. Это остров и кордон Виталия Витальевича Бианки, работающего здесь с 1955 года. Здесь добротные постройки, сделанные с какой-то особой любовью, очень много интересных людей.

Почти все нынешние сотрудники заповедника, начинавшие путь к профессии юннатами или студентами (а их около половины штата), прошли именно

подарил мне двустволку. Из настоящих охотничьих ружей я стрелял и раньше, но это было — собственное, новенькое, только что из магазина». Дело в том, что раньше охота почти всегда была второй специальностью зоологов. «Охота — это совсем не только убивать зверей и птиц. Это, прежде всего, — сильное желание, страстная любовь. Охота — целыми днями, выбиваясь из сил, бродить с ружьем по лесам и болотам, или часами терпеливо сидеть с удочкой над рекой, или, встав чуть свет, по холодной росе идти брать грибы».

Все, заложенное Дедом, осталось на всю жизнь. И страстный интерес к охоте, и поездки на лето в деревню, без которых Отец, став взрослым, не мог жить так же, как и Дед. Вот почему рассказ Внука о своем детстве кажется таким знакомым: «Отец всегда старался увезти семью из города, это ему было очень нужно, да и нам всем было при этом хорошо. Лебяжье, где вырос Виталий Валентинович, стало закрытой пограничной зоной, и новым местом отдыха семьи стала с 1928 года Новгородчина». Так же, как когда-то Дед, Отец выбирал места поглуше, поближе к дикому лесу. И так же вез туда большую семью со всем имуществом: «Ехали с железнодорожной станции на нескольких подводах, везли очень много вещей — и продукты все, кроме самых деревенских, и книги отцу нужны были, чтобы работать».

Отец тоже стремился передать своему сыну все, чем владел сам, но не во всем нашел отклик. «Охотника из меня не получилось, — вспоминает Внук. — Да, с отцом охотился, он меня научил, но особого интереса не было

никогда. Помню, что даже во время охоты — ведь охотники расходятся, не идут вместе — я в иногда играл в ножички или еще во что-то».

«Переводчики с бессловесного»

Но было одно дело, которым, помимо зоологии, со страстью занимались все Бианки.

«Переводчики с бессловесного» — так назвал Виталий Валентинович рассказ о своих друзьях, писателях-анималистах. «Растения и животные, леса и горы, моря, ветра, дожди, зори — весь мир вокруг нас говорит с нами всеми голосами. Но мы ему не внимлем. Есть среди нас редкие люди: широко раскрытыми глазами ребенка смотрят они на мир, чутко внимают всем его голосам — и все, что он рассказывает им о себе, переводят для нас на наш, человеческий язык — язык любви к полной красоты и чудес нашей вселенной». Эти слова можно отнести и ко всем Бианки. Как истинно увлеченные своим делом люди, они притягивали и заражали им окружающих. Нет лучше способа обучить и воспитать. Их увлеченность, их дело, точно круги по воде, расходилось все шире и шире.

Валентин Львович был главным лесным учителем младшего сына. «Отец рано начал брать меня с собой в лес. Он каждую травку, каждую птицу и зверушку называл по имени, отчетливо и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, по голосу, по полету, разыскивать самые скрытые гнезда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей».

через Ряшков, а значит, через Бианки. За 45 лет работы в Кандалакшском заповеднике он руководил практикой более тысячи студентов и школьников. История Ряшкова, как никакого другого места в заповеднике, богата легендами, она имеет свою мифологию и историографию. Для друзей и коллег несомненно — Ряшков создан Бианки, хотя сам он заслуг своих не признает.

Как ему удалось все так хорошо обустроить и собрать вокруг себя столько талантливых людей? Может, он сознательно отбирал их? Или отбирающим фактором становилось само его присутствие?.. Отвечая на мой вопрос, почему, с его точки зрения, так притягателен заповедник для молодых людей, он отвел себе последнее место (и даже здесь укрылся за безличным «мы»): «Думаю, это в первую очередь море, потому что такого моря они больше нигде не увидят. Очень красивые пейзажи. В какой-то степени, очевидно, и те порядки, которые мы стараемся здесь поддерживать. Определенные принципы работы, отношение к людям, к природе... И прежде всего, отношение к школьникам и студентам как к взрослым людям. Меня раздражает, когда старшеклассников называют детьми. Да, у них нет опыта, у них много чего еще нет, но это уже взрослые люди. А вообще, со стороны виднее почему. Формулируют и оценивают пусть другие. Но, если удастся что-то дать, это очень приятно. И я думаю, что, давая другому, человек получает и сам».

Счастье семьи Бианки

Может, в этом давно известном рецепте, который так редко удается применить на практике, и состоит секрет счастья всех Бианки?

Ни один из них не повторил путь другого след в след, но в главном они

делали одно дело. Отец: «Вот соловьи: известно, что старые и опытные соловьи обучают пению молодых. Как говорят птицеловы — «ставят их на хорошую песню». Но как ставят! Не тычут носом, не принуждают и не заставляют. Они просто поют. Изю всех своих птичьих сил стараются петь как можно лучше и чище. Главное — чище! Чистота свиста ценится у них превыше всего. Старики поют, а молодые слушают и учатся. Учатся петь, а не подпевать! За это соловьиная песня и ценится, на этом она и держится».

Дед умер от воспаления легких 10 января 1920 года в Петрограде. Ему было 64 года. В 1917–1918 годах он заведовал Зоологическим музеем Академии наук, но в 1919-м сдал полномочия А.А.Бялыницкому-Бируле и умер на своем старом посту заведующего орнитологическим отделением музея. В те годы даже ученые Академии наук жили в очень тяжелых условиях. Температура в квартире Бианки не поднималась зимой выше +3°C. От сырости стены покрылись плесенью, не хватало еды. Исход болезни Деда определило общее истощение организма. Не будь этого, Валентин Львович, по мнению близких, мог бы прожить еще долго, до последнего дня сохраняя большой запас жизненной энергии.

Он остался в памяти как уникальный зоолог, который написал одновременно две монографии — про птиц и про стрекоз. Научное наследие его очень значительно. Он опубликовал около 120 работ, не считая ряда статей в энциклопедиях и популярных журналах. При этом часть больших работ так и осталась в рукописях. Он перевел и снабдил примечаниями книги Г.Дункера «Перелет птиц» и В.Кобельта «Географические распределения животных», перевел и (совместно с Н.М.Книповичем) отредактировал «Жизнь животных»

Брема. В честь Валентина Львовича названы две птицы: саянская белобрюхая оляпка (*Cinclus leucogaster bianchii*) и верхнебухарский фазан (*Phasianus chrysomelas bianchii*). Он был действительным членом Петроградского общества естествоиспытателей и Русского энтомологического общества, почетным членом Германского орнитологического общества. В статьях о нем постоянно подчеркивается, что «добросовестность его работ известна всякому орнитологу», «работа выполнена с характерной для него тщательностью», «некоторые из монографий по своей обоснованности и тщательности выполнения вполне могут называться образцовыми».

Отец умер в 65 лет известным и любимым писателем. За свою жизнь он написал более 300 рассказов, сказок, повестей. Только при жизни Отца вышло около 40 сборников его произведений. Их перевели и издали почти во всех странах, на всех языках мира. Но при всеобщей известности доброго лесного сказочника Бианки мало кто знает, какой дамоклов меч всю жизнь висел над ним. Ему так никогда и не простили ни кратковременного увлечения эсерством, ни столь же кратковременного и невольного пребывания в колчаковской армии.

«В 1921 году в Бийске был дважды арестован ВЧК, — пишет он, — и раз сидел вместе с 79 другими «заложниками» в тюрьме недели три». В сентябре 1922 года он узнал, что ему грозит новый арест. Не желая больше испытывать судьбу, Бианки, продав любимое ружье, добыл денег на дорогу и выехал в Петроград, навсегда простившись с Бийском. Но Петроград, естественно, не был спасением. В декабре 1925 года Виталия Валентиновича вновь арестовали. По надуманному обвинению в причастности к ка-

У Виталия Витальевича Бианки потомственный талант: он умеет заражать своим интересом других. Кордон Кандалакшского заповедника на острове Ряшков — место особое. Оно как никакое другое богато легендами, через него прошли путь к профессии почти все нынешние сотрудники заповедника. Для друзей и коллег несомненно — это заслуга В.В. Бианки

ПОРТРЕТЫ

гах, почти полностью лишавшие возможности ходить. Он больше не мог выбираться в лес. «У меня уже был инфаркт (в 1949 году) и два инсульта. Правая рука так и осталась парализованной наполовину, писать пером почти не могу (тоже мне — «писатель»!), все стучу вот на машинке. Не пускает «ad patres» (к праотцам) работа: так мало в жизни сделано, так много еще надо сделать! Я не чиновник, своей работой увлекаюсь до чертиков, работаю с утра до ночи (стучу на машинке одним пальцем) — и вполне счастлив» (из письма).

В больнице, за день до смерти, он слушал «Вести из леса» — радиопередачу, которую сам придумал, собрал авторов. Очень радовался, что удалось записать на

магнитофон и включить в передачу голоса птиц. После его смерти коллеги обратились к директору с просьбой назвать передачу именем Бианки, но ответ был категоричен: «Невозможно! Бианки — белый офицер». Прошлое настигло и здесь. А он так мечтал о покое! Один из его друзей вспоминает, как незадолго до смерти, глядя на кусочек моря за окном санатория, Отец говорил: «У большой воды приходит равновесие, тут обретаешь свой ритм».

Внук прожил у большой воды Белого моря всю свою жизнь ученого. «Условия работы здесь как раз соответствуют и моему желанию, и, видимо, характеру, и стремлению так вести научную работу, как мне хотелось бы. Здесь я самостоятелен, и это очень ценно. Мне нравится многолетняя стационарная работа». Все годы Виталий Витальевич, ведущий научный сотрудник, доктор биологических наук, Заслуженный эколог Российской Федерации, работает на одних и тех же островах и живет здесь же в небольшой квартирке в бревенчатом доме. Он изучает

птиц Мурманской области и Кольско-Беломорского региона в целом.

По мнению многих зоологов, никто на сегодняшний день не знает этих птиц лучше В.В. Бианки. Его монография «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива» стала классической, издана на английском языке. Он участвовал в написании многотомных сводок «Птицы СССР», «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии», издаваемых Академией наук. Есть у него любимые виды — полярная крачка, гоголь. Благодаря ежегодному кольцеванию самок и птенцов гоголя на протяжении 30 (!) с лишним лет Виталий Витальевич получил уникальный материал о династиях пернатых.

А всего он написал более 150 научных работ и более 400 научно-популярных статей по вопросам охраны природы. Однако много уникального материала еще не опубликовано. Люди, знающие его, в один голос жалуют, что он мало пишет. Но он предпочитает полевую работу и охотно сидит за письменным столом только зимой, зная, что скоро снова будет лето.

А на вопрос, считает ли он себя счастливым, Виталий Витальевич как-то ответил: «Я достаточно прожил так, как мне хотелось, и в общем удовлетворен тем, что удалось сделать. Зарабатываю я на жизнь тем, что мне очень нравится, работаю с людьми, с которыми мне нравится работать. Боже мой, конечно!»

P.S. Сестра Виталия Витальевича, Елена Витальевна Бианки, — художник, она иллюстрирует книги о природе, в том числе и отцовские. Его двоюродный брат — Всеволод Львович Бианки, также был биологом, профессором Ленинградского университета. А сам Виталий Витальевич сейчас собирает материал и пишет книгу о замечательном орнитологе — своем деде, Валентине Львовиче Бианки.

кой-то подпольной организации Бианки приговорили к трем годам ссылки.

О его освобождении ходатайствовали многие, в том числе Максим Горький. Весной 1928 года Бианки разрешили переехать в Новгород, а в начале 1929 года вернуться в Ленинград. В ноябре 1932 года — новый арест, но вскоре Бианки освобожден «за отсутствием улик». В марте 1935 года, при очистке Ленинграда после убийства Кирова от «социально опасного элемента», Бианки опять был арестован как «сын личного дворянина, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти». Особым совещанием при НКВД СССР он был приговорен к пяти годам ссылки вместе с семьей в город Иргиз Актыбинской области. Ссылку отменили по ходатайству жены Максима Горького Екатерины Павловны Пешковой.

Не эти ли несправедливые преследования так губительно отразились на его здоровье? В последние годы он тяжело болел. Системное заболевание сосудов вызывало сильные боли в но-